

и немногие друзья и знакомые. Речей не было. В «Русских ведомостях» был напечатан краткий его некролог.

Я любил Александра Сергеевича и счастлив тем, что знал его. В комментарии к юбилейному изданию сочинений Л. Н. Толстого сказано: «Толстой ценил в А. С. Бутурлине ум, большие знания и душевное благородство». Основная черта его характера была искренность, прямота. Он не мог кривить душой; он говорил то, что думал, и не говорил того, чего не думал; и он поступал так, как считал своим долгом поступать. Он был человеком, благовоспитанным в лучшем смысле этого слова, и человеком, обладавшим обширными знаниями в разных областях. Он был естественником, знатоком по истории французской революции и критике Евангелия. Я не раз спрашивал его, почему он ничего не написал и не опубликовал из своего большого запаса знаний. Он как-то неопределенно говорил, что недостаточно сведущ или что он ничего нового сказать не может. Правда, у него не было творческого дара (что не мешало ему быть оригинальным человеком), но он прекрасно излагал то, что знал. Сколько людей, гораздо менее его знающих и менее его достойных, подвизались в печати. Скромность и отсутствие желания выдвинуться были причиной тому, что после его смерти не осталось его трудов. Но его друзья,— я льщу себя мыслью, что в том числе был и я,— черпали из его разговоров ценные сведения и правдивую оценку событий.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ТАНЕЕВ

Не знаю точно, как и когда возникло знакомство нашей семьи с Сергеем Ивановичем Танеевым. У нас с ним было много общих знакомых. В особенно дружеских отношениях Сергей Иванович был с семьей Масловых. Эта семья состояла из судебного деятеля Федора Ивановича Маслова, его двух сестер, Варвары и Анны Масловых, и их родственницы, Юлии Афанасьевны Юрской. В 90-х годах Масловы были уже людьми пожилыми; Федор Иванович был холост, и его сестры не были замужем. Танеев часто бывал у них в Москве и почти каждый год летом гостил в их имении Селище, Орловской губернии. Масловы относились к нему, как к родному, как говорится, души в нем не чаяли, особенно Анна Ивановна. Варвара Ивановна училась вместе с моей сестрой

Татьяной в Училище живописи и ваяния и подружилась с ней. Вероятно, через нее мы и познакомились с Танеевым.

Сергей Иванович вел дневник с декабря 1894 по 1909 год. Этот дневник может служить хорошим фактическим материалом для его биографии и для истории музыкальной жизни Москвы за эти годы, но только фактическим материалом. Танеев писал в 1911 году в предисловии к начатому им, потом продолженному новому дневнику: «Итак, я в своих дневниках ограничивался фактами... Я потому избегал упоминать о своих чувствах, что каждый раз, как мне попадались мои прежние письма, где встречались лирические места, мне становилось неловко... Мне было неприятно представлять себя волнуемым чувствами, которые я более не испытывал». Сергей Иванович заносил в свой дневник не только значительные события, но и мелкие подробности: когда утром встал, что писал или играл, кто у него был, куда он ходил, что покупал, как и у кого лечился и т. п. К сожалению, часть его дневника 1895 года написана на «эсперанто», что неудобочитаемо. Как аккуратный и правдивый человек, он записывал точно и подробно. Его записи во время пребывания в Ясной Поляне интересны не столько для характеристики его самого, сколько как материал для биографии Л. Н. Толстого. Он добросовестно и довольно верно записывал то, что говорил Лев Николаевич, но скучно записывал свое отношение к его взглядам, свои реплики и возражения на его слова.

Дневник Танеева помог мне восстановить в памяти давно прошедшее и уточнить даты в моих воспоминаниях. Помогли мне в этом и дневники моей матери.

В первой половине 90-х годов Танеев стал бывать в нашем московском доме в Хамовническом переулке (ныне улица Льва Толстого), а весной 1895 года моя мать пригласила его прожить лето в Ясной Поляне. Он не соглашался жить там бесплатным гостем и настаивал, чтобы она назначила плату за помещение и харчи. Она ему назначила небольшую плату, но он, как добросовестный человек, нашел, что она назначила слишком дешево. Поторговались и остановились все-таки на небольшой плате около 125 рублей за все лето.

Танеев в Ясной Поляне пробыл: в 1895 году с 3 июня по 27 августа, в 1896 году — с 19 мая по 2 августа и не-

сколько дней в сентябре заездом из Селища. После этого года он приезжал только на короткое время — в июне 1897 года на два дня и в июле того же года (с 5-го по 13-е), в августе 1898 года, в июне 1899 года и после долгого промежутка — в феврале 1906 года и в феврале 1908 года.

Когда мои родители жили в Москве в Хамовническом переулке (до 1902 года), он часто там бывал; бывал он и у моей матери, когда она после 1902 года приезжала в Москву.

В 1895 и 1896 годах Танеев поселился со своей няней Пелагеей Васильевной в яснополянском флигеле, куда привез пианино. Некоторое время в 1895 году прожил с ним по флигеле его ученик Ю. Н. Померанцев (Юша). Сергей Иванович вставал в семь или восемь часов, няня ему готовила чай и завтрак, после чего он садился за работу. Он или писал свой «подвижной контрапункт строгого письма» и свои композиции, или упражнялся на фортепиано и занимался с Юшой Померанцевым. Приблизительно в двенадцать часов он уходил гулять и купаться на речке Воронке, отстоящей от дома в полутора верстах. С ним обыкновенно ходили Александр Антонович Курсинский (учитель моего брата Миши), Ю. Померанцев или еще кто-нибудь из мужского персонала. Затем он шел обедать. В Ясной Поляне в то время обедали в два часа, пили чай в пять и ужинали в девять. Время от обеда до ужина он проводил разнообразно: в игре на фортепиано у себя во флигеле, в прогулках, игре в теннис, занятиях по изучению итальянского языка вместе с Курсинским и моими сестрами Машей и Сашей и пр. Он охотно участвовал в увеселениях молодежи: теннисе, езде на велосипеде, разных играх, купанье и пр., но был тяжел и мешковат и сильно потел, уставал. Он долго не мог выучиться ездить на велосипеде; этим объясняется, почему позднее, в 1899 году, он упал с велосипеда и сильно повредил себе ногу.

По вечерам он приходил ужинать и пить чай со всем яснополянским обществом в залу или на террасу. Отец был с ним любезен, разговаривал, играл в шахматы и слушал его игру на фортепиано. Во время шахматной игры кто-нибудь читал вслух разные произведения, большей частью рекомендованные Львом Николаевичем. Предметом их разговоров были чаще всего вопросы о значении

и целях искусства, которыми в то время был занят отец.

Интересна запись Танеева в его дневнике о разговоре, бывшем 9 августа 1895 года между ним, Львом Николаевичем и Н. Н. Страховым, гостившим тогда в Ясной Поляне. Привожу выдержки из этой записи.

«Лев Николаевич сказал, что «до сих пор не может решить, что такое искусство и какое место оно должно занимать в жизни человека». Н. Н. Страхов дал определение искусства приблизительно такое: «искусство есть некоторое средство для выражения чувств и настроений человека не отвлеченно, а конкретно, образно...» Л. Н. сказал, что он желал бы такого определения искусства, которое провело бы границу между художественным и не художественным произведениями. Я сказал, что вряд ли можно требовать определения этой границы, подобно тому, как нельзя провести границу между животными и растениями, хотя каждый из нас не затруднится отличить растение от животного. Л. Н. сказал, что есть признак, отличающий животное от растения, например, способность передвижения. На это я возразил, что есть животные, лишенные этой способности, и есть растения движущиеся. Л. Н. сказал, что вопросы, касающиеся развития и истории искусства, не так его занимают, как вопрос об искусстве с точки зрения нравственной. Он говорил: «Я хочу знать, необходимо ли искусство в жизни человека. Если да, то почему большинство людей проводит жизнь в стороне от искусства. Стоит ли искусство тех жертв, которые на него тратятся. Нужно ли замучивать десятки тысяч людей на фабриках, забирать последнее от людей, возделывающих землю, чтобы дать возможность консерваторкам играть по восемь часов в день на фортепиано, чтобы строить театры для представления вагнеровских опер, заставлять парикмахеров, считающих себя также артистами, работать на певцов и пр. Можно ли считать нормальным, что произведения искусства доступны только малому числу богатых людей, что для их понимания требуется особая подготовка?» Танеев не записал, возражал ли он на эти слова Льва Николаевича; очевидно, он был с ним не согласен, но, вероятно, просто промолчал.

Привожу также следующую выписку из дневника Танеева от 28 марта 1896 года о разговоре его со Стасовым, при котором я присутствовал. В этом разговоре выясняются некоторые взгляды Танеева на музыкальную форму.

«Пошел к Толстым. Разговор с Стасовым был очень забавен. Он громко говорил, что мадоннам надо выколоть глаза, что Рафаэль имел талант, но растратил его по пустякам, что Бетховена он ставит выше всех композиторов, но что он, к несчастью, писал сочинения, имеющие форму, и подчинялся глупым законам, как, например, кончал сочинения в том же тоне, в каком начинал, писал симфонию в четырех частях и т. п. Я возражал, что форма симфонии та же, что сонатная и квартетная, что сонаты есть состоящие из двух частей (E-moll'ная), а квартеты из пяти и более, что существует форма фантазии с давних пор, что Бетховен отступал от принятых форм, когда находил это нужным. Вставить слово в речь Стасова было очень трудно. Я ему говорю: «Изберем председателем Льва Николаевича». Он согласился. Лев Николаевич постучал об стакан и сказал, что слово принадлежит мне. Стасов стал немедленно очень громко говорить. Я стал смеяться, Лев Николаевич и Софья Андреевна также. Лев Николаевич сказал, что во многом согласен с тем, что говорит Стасов, что подчиняться установленным формам не следует, что форма, как и одежда, должна иногда трещать по всем швам. Я в оправдание существующих форм указал на то, как вырабатывалась форма сонатного аллегро, что выработка форм не делается произвольно. Отдельные художники творят, повинуясь своему внутреннему чувству, но в конце концов оказывается, что они помимо воли попадают в существующее течение и принимают участие в выработке музыкального языка».

«29 марта... к концу завтрака, продолжали вчерашний разговор. Л. Н. высказал мысль, на которую возражал я и Сергей Львович; он говорил, что если произведение искусства одним нравится, а другим — нет, что значит — это пустяки, что настоящее произведение искусства должно нравиться всем, что нет между людьми разногласия о том, что свежий воздух лучше порченого, что пища нужна человеку, что добрые дела похвальны».

В Ясной Поляне Сергей Иванович почти каждый вечер играл на фортепиано. Помню, что он играл рондо a-moll Моцарта, сонаты Бетховена as-dur с похоронным маршем, as-dur, оп. 110, E-moll, quasi fantasia и apassionata, мелкие пьесы Шуберта, Шумана, Шопена и Мендельсона, увертюру

из «Фрейшютца» в аранжировке Листа, дуэт из «Ромео и Юлии» Чайковского, *Basso ostinato* и романс Аренского, отрывки из своей оперы «Орестея» и др. Разумеется, он играл больше всего то, что нравилось Льву Николаевичу, или же те пьесы, которые он хотел ему показать, в том числе свои сочинения или сочинения Вагнера и Чайковского. Однако эти последние сочинения мало нравились отцу. Иногда Сергей Иванович даже специально выучивал те пьесы, которые хвалил отец. Так, например, как-то отец похвалил *Nachtstück*¹ № 4 Шумана, которую он слышал в моем исполнении. Танеев, раньше не игравший эту пьесу, выучил и сыграл не только ее, но и все четыре *Nachtstücke*.

Играл он, разумеется, всегда наизусть, играл просто, без всякой отсебятины, фразировал отчетливо и рельефно, брал настоящие темпы, не увлекаясь быстротой, подобно многим пианистам, и проявлял силу там, где это требовалось. Он ставил себе целью верно передавать намерения композиторов. Особенно хорошо и точно, но не сухо и не академично, он играл Бетховена и Баха. Помню его великолепное и энергичное исполнение увертюры «Фрейшютца» в переложении Листа. Не все, однако, ему удавалось: Шопен, кроме полонезов (*as-dur* и *fis-moll*), звучал под его пальцами несколько бледно. В общем его удар был тяжеловат; он любил выделять низкие и средние голоса, и иногда мне казалось, что его левая рука играет слишком сильно сравнительно с правой. Он всегда серьезно относился к своей игре и никогда не играл небрежно: он весь погружался в исполняемую им музыку. Помню его глаза во время его игры — вдумчивые, сосредоточенные, смотрящие куда-то внутрь. Когда его просили сыграть пьесу, которую он давно не играл, он говорил: «Я вам это сыграю завтра», и на другой день днем у себя во флигеле проигрывал эту пьесу, чтобы вечером сыграть ее как следует при публике.

Однажды днем я зашел к нему и застал его проигрывающим *Moment musical as-dur* Шуберта, чтобы сыграть ее вечером. Он сказал мне: «Вот я раздумываю, не делать ли ударение на третьей, а не на первой четверти в первом и аналогичных ему тактах». Так тщательно он относился к своей фразировке.

¹ пьесу «Ночь» (нем.).

Отец с удовольствием слушал музыку Сергея Ивановича, благодарили его за игру и высказывали свои мнения об исполняемых им пьесах, хвалил Моцарта, Шуберта, Шопена, бранил Вагнера, критиковал Бетховена и в то же время наслаждался музыкой Бетховена. Помню только, что Четвертый концерт Бетховена, сыгранный Танеевым с аккомпанементом Гольденвейзера, ему безусловно не понравился. К сочинениям самого Танеева он относился отрицательно, но ему это не высказывал.

Сергей Иванович очень любил играть в шахматы, но не был сильным игроком. В Ясной Поляне он почти каждый вечер играл с Львом Николаевичем. Отец был несколько сильнее его, но играл небрежно и рискованно и поэтому часто проигрывал. 6 июня 1896 года Танеев записал, что проиграл пять партий подряд, после чего Лев Николаевич стал давать ему вперед коня. Но без коня стал проигрывать Лев Николаевич, и скоро конь был опять поставлен на свое место. Между ними было условлено играть матчи; выигравший первые пять партий считался выигравшим матч. Было условлено, что когда матч проигрывал Сергей Иванович, то он обязывался играть на фортепиано пьесы по выбору Льва Николаевича, а когда проигрывал Лев Николаевич, то он обязывался прочесть вслух что-нибудь из своих сочинений. А иногда они уставливались играть не в счет матчей.

Живя в Ясной Поляне, Танеев написал (кроме своих серьезных композиций — квартета, симфонии, инструментовки квартета Чайковского и др.) три пьесы специально для Ясной Поляны. Это — серенада, баркаролла и вариации на песню Трике из «Евгения Онегина». В этих пьесах участвует мандолина, на которой в то время играла моя сестра Татьяна.

Сerenада написана для голоса, фортепиано и мандолины, на слова, тогда же сочиненные А. А. Курсинским. На автографической рукописи этой пьесы — подпись Танеева и дата: «9 июля 1896».

Баркаролла «Венеция ночью» написана для голоса, фортепиано и мандолины, на слова А. Фета. На автографической рукописи — подпись Танеева и дата: «13 июля 1897».

Вариации на песню Трике написаны для фортепиано, скрипки и мандолины. На рукописи рукой Танеева написано: *Variations sur un thème favori composées et dédiées*

à m-elle la comtesse Tatiana Tolstoï par S. Tanéiev.
12 J. 1897¹. Эту пьесу он поднес моей сестре в день ее
именин (12 января).

В своих воспоминаниях о Танееве я не могу умолчать об отношении к нему моей матери. 23 февраля 1895 года умер ее меньшой семилетний сын Ваничка, особенно ею любимый, и у нее обострилась истерия, к которой она была склонна и раньше. Музыка успокаительно действовала на ее нервы, отвлекая от горя, а действие музыки во время игры Танеева она перенесла на него. Отсюда ее болезненное пристрастие к его личности и к его музыке. Она пользовалась всеми возможными случаями, чтобы видеться с ним и слушать его музыку. Такое исключительное пристрастие женщины в возрасте между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами к человеку, к ней довольно равнодушному, нельзя назвать нормальным. Она сама это сознавала. Я могу говорить об увлечении моей матери, не скрывая ничего, так как и скрывать нечего. Об этом она сама за несколько дней до своей смерти говорила своей дочери Татьяне. Ни я, ни мои сестры и братья никогда не сомневались в том, что слова матери — правда и что в отношениях нашей матери к Танееву не было «рукопожатия, которое не могло бы быть при всех», но это увлечение матери нас огорчало, особенно потому, что оно было очень неприятно отцу.

Танеев долгое время не догадывался о ненормальности этого пристрастия к нему Софии Андреевны и, вероятно, предполагал, что она увлекается им только как пианистом и композитором. Не знаю, когда он догадался, но он уже не мог сомневаться в 1904 году, когда получил от нее «нелепое письмо», как он выразился в своем дневнике; это письмо не сохранилось; вероятно, он его уничтожил. Некоторое понятие о нем можно иметь из следующих писем Танеева к Софье Андреевне — писем, очень характеризующих его благовоспитанность, сдержанность и скрытность.

Он писал:

«15 ноября 1904 года.

Многоуважаемая Софья Андреевна!

Простите меня великодушно, если я сегодня у Вас не

¹ Вариации на любую тему, сочиненные и посвященные гр. Татьяне Толстой С. Танеевым. 12 января 1897 г.

буду. Причиною этому то обстоятельство, что я до сих пор не ответил на письмо Ваше, присланное мне после концерта Никиша, и не дал тех объяснений, которые Вы от меня настойчиво требовали. Не высказав своего мнения по поводу возбужденных Вами вопросов, я не считаю себя вправе быть Вашим гостем. Соображение это не пришло вчера в концерте мне на ум, но когда я вернулся домой, представилось мне с полной ясностью. В извинение своей медленности скажу, что я тотчас по получении Вашего письма начал излагать письменно свои объяснения, но, узнав от Вас, что Вы не желаете, чтобы письмо было отправлено ни на Вашу здешнюю квартиру, ни в Ясную Поляну, тогда же оставил свою работу. В настоящую же минуту решительно не имею возможности опять за нее приняться по недостатку времени.

Еще раз прошу Вас извинить меня и принять уверение в совершенном почтении готового к услугам Вашим

С. Танеева».

16 ноября 1904 года Танеев писал:

«Многоуважаемая Софья Андреевна.

Если бы речь шла только о том, чтобы объяснить, почему я ушел в антракте с своего места и почему на следующее отделение уступил свое место другому, мне бы легко было на это ответить, указав хотя бы на то, что каждый из находящихся в концерте может беспрепятственно пользоваться правом как уступать свое место, так и выходить в антракте. Но затронутые в Вашем письме вопросы захватывают собою целый ряд таких фактов, отношений, недоразумений, что объясниться ни просто, как Вы того желаете, ни устно я не чувствую себя способным. Мне именно нужно предпринять работу, взвесить и обдумать каждое выражение и каждое слово. Но в настоящую минуту по разным соображениям, в том числе и по материальным, я не имею возможности оторвать себя на несколько дней от той работы, которой занят. Поэтому вторично прошу Вас извинить меня и принять уверение в совершенном почтении искренно Вам преданного С. Танеева».

По-видимому, Сергей Иванович не написал письма, которое требовало «оторвать его на несколько дней от его работы», но после этого эпизода он стал реже видеться с Софьей Андреевной. Однако он еще два раза приезжал

в Ясную Поляну. Я думаю, что его побудило приехать желание еще повидать Льва Николаевича.

Танеев всегда относился к Льву Николаевичу с глубоким уважением и большой симпатией. Это можно было заметить, несмотря на его скрытность. Влияние на него Льва Николаевича выразилось, между прочим, в том, что он составил конспект статьи «Об искусстве» и участвовал в составлении вегетарианского календаря.

27 августа 1898 года он писал Софье Андреевне по поводу семидесятилетия Льва Николаевича:

«Многоуважаемая Софья Андреевна!

Поздравляю Вас с наступающим праздничным днем.

Льву Николаевичу прошу передать мои горячие приветствия по поводу исполнившегося пятидесятилетия его литературной деятельности.

За многое я ему благодарен из того, что вычитал в его сочинениях и вынес из личного с ним общения. Нет надобности быть последователем Льва Николаевича для того, чтобы испытывать на себе влияние его ясных, простых и живучих мыслей, которые, раз запав к вам в душу, очень упорно в ней пребывают, иногда причиняя человеку немалое беспокойство тем, что ставят ему требования, превышающие его силы.

Мне очень хочется побывать в Ясной Поляне, и я имею намерение заехать туда по дороге в Москву.

Постараюсь это сделать ранее Вашего отъезда, но удастся ли это — не знаю. Время моего выезда отсюда зависит от того, когда я покончу с работой, которой теперь занят, работой скучной, кропотливой, мало интересной, но которую докончить необходимо.

Всем Вашим прошу передать мои приветствия и поздравления.

Остаюсь искренне преданный Вам С. Танеев».

Как же относился к нему Лев Николаевич? Лев Николаевич всегда был любезен с ним, только мне иногда казалось, что он заставлял себя быть любезным; как мы видели, он играл с ним в шахматы, слушал его музыку и много разговаривал. Он никогда не винил его в том, что Софья Андреевна им увлекалась, и понимал ненормальность этого увлечения. Но оно ему было очень неприятно, и лишь со временем он стал относиться к Сергею Ивановичу спокойнее.

Вот два его суждения о Танееве. Первое, на мой взгляд, несправедливое, — это запись в дневнике от 28 мая 1896 года, когда Лев Николаевич особенно остро относился к несчастному увлечению Софии Андреевны: «Дома... Танеев, который противен мне своей самодовольной, нравственной и — смешно сказать — эстетической (настоящей, не внешней) тупостью и его соq du village'ным¹ положением у нас в доме. Это экзамен мне. Стараюсь не провалиться».

Второе его суждение, приведенное в книге А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», высказано им в июне 1904 года: «Я знаю двух таких музыкантов, не учившихся ни в каком учебном заведении, а между тем очень хорошо образованных людей, с которыми о чем ни заговори, все они знают, — это Гольденвейзер и Сергей Иванович Танеев».

Перехожу к тому, что помню о моих встречах и разговорах с Танеевым.

В 1895—1896 годах, когда он жил в Ясной Поляне, я несколько раз туда приезжал, разговаривал с ним, ходил с ним гулять и купаться, играл в теннис и шахматы и слушал его игру. В Москве я встречался с ним в хамовническом доме, в концертах или в Музикально-теоретической библиотеке и несколько раз был у него в его скромной квартире в Мертвом переулке и, позднее, в Гагаринском переулке.

Во второй половине 90-х годов я стал заниматься композицией и советовался с Сергеем Ивановичем, показывая ему свои незрелые опыты. 30 марта 1895 года он записал в своем дневнике: «Был Сергей Львович, принес три романса, которые не плохо написаны». Помню, что он отнесся к этому моему опыту строго, но спросил меня по поводу одного необычного гармонического хода: «Вы сами это написали? Вам никто не показывал этого последования?» Я сказал, что никто не показывал. Он удивился, что я сам до этого додумался.

12 марта 1896 года он записал в своем дневнике: «Экзаменовал Сергея Львовича по гармонии». Помню, что он тогда сказал мне: «Проиграйте какую-нибудь гармонизацию хроматической гаммы». Как известно, хроматическую гамму можно гармонизовать многими способами.

¹ положение общего баловня (франц.).

Не помню, какую гармонизацию я ему сыграл, но помню, что он ее не одобрил.

Танеев признавал во мне некоторую музыкальную талантливость, о чем говорил моей матери, а меня предупреждал: «Вы хотите сразу сочинять. Нет, пройдите известную школу, изучите контрапункт строгого письма, освойтесь с ключами «до» и пишите без инструмента». Он рекомендовал мне заняться музыкальным диктантом у профессора Консерватории Морозова. Я последовал его совету и в апреле 1896 года взял несколько уроков у Морозова.

В 1899 году Танеев, зная, что я владею английским языком и знаком с теoriей музыки, предложил мне перевести с английского «Музыкальную форму» Э. Праута (E. Prout, Musical form), что я и сделал. Эта книга была издана в 1900 году издательством И. Юргенсона и послужила руководством для учеников консерватории.

В 90-х годах я как-то показал Танееву присланные мне из Франции две пьесы для фортепиано Сезара Франка — Prélude, Choral et Fugue и Prélude, Aria et Final. Меня удивило, что Танеев не знал эти пьесы. Он просмотрел фугу и сказал: «Этот человек умел писать музыку». Впоследствии он познакомился с произведениями Сезара Франка, стиль которого близок к его стилю, но едва ли Франк оказал на него влияние.

Однажды я рассказал Сергею Ивановичу следующий анекдот. Когда-то Антон Григорьевич Рубинштейн был приглашен на музыкальный вечер к М. Ю. Виельгорскому. Раздеваясь в передней, он увидел, что из кармана чьей-то шинели торчит нотная рукопись. Он ее взял, просмотрел и положил обратно. На вечере хозяин попросил Рубинштейна играть. Рубинштейн сел за рояль и сыграл ту пьесу, которую просмотрел в передней и уже запомнил. Это была новая пьеса, которую принес и хотел сыграть у Виельгорского известный музыкант Контский. Выходка Рубинштейна жестоко его обидела.

Танеев на мой рассказ сказал: «Это не так трудно. Я думаю, что и я сыграю коротенькую пьесу, просмотрев ее без инструмента. Дайте мне пьесу, которую я бы не знал». Я ему принес незнакомую ему пьесу «Valse-sarçise» Шаминада. Он просмотрел первую страницу и через несколько минут сыграл ее, не глядя на ноты и допустив только одну незначительную неточность.

Танеев не любил музыку Скрябина, хотя Скрябин был его учеником. Рассказывали, что, прослушав «Прометея», он сказал про последний аккорд этой пьесы: «Теперь началась музыка». Как известно, «Прометей» весь состоит из диссонансов, кроме последнего аккорда — трезвучия. Однажды на авторском концерте Скрябина я сидел рядом с Сергеем Ивановичем. Когда Скрябин сыграл свою прелидию в D-dur (из 24 оп. 11), Танеев обратился ко мне и сказал: «Как он хорошо играет!» Он был беспристрастен и хвалил то, что, по его мнению, стоило похвалы.

В 1909 году я получил премию «Дома песни» за свою гармонизацию десяти шотландских песен. Эти десять песен и еще семь были изданы Российским музыкальным издательством. Танеев заинтересовался моими обработками, пришел ко мне (в Москве), и мы с ним проиграли эти песни — я фортепианную партию, а он голос на маленькой фисгармонии. В общем, он мою работу одобрил.

Не помню где и когда, известная певица М. Н. Муромцева (Климентова) поставила одноактную пьесу «Маленький Гайдн». В этой пьесе музыкант-теоретик Порпора, у которого маленький Гайдн жил в качестве слуги, однажды, возвращаясь домой, услыхал, как Гайдн, воспользовавшись отсутствием хозяина, играл свои импровизации на клавесине. Пораженный талантливостью мальчика, он с этого дня стал обучать его музыке. В то время Танеев принял к себе на квартиру своего очень способного к музыке ученика Колю Жиляева. Я ему тогда сказал:

— Я слышал, Сергей Иванович, что вы взяли к себе маленького Гайдна.

Он ответил:

— Вы хотели меня уколоть, намекая на то, что я не Гайдн, а Порпора. Но вы меня не укололи: я не мечтаю быть Гайдном, а мечтаю быть именно Порпорой.

Он, по-видимому, больше ценил свою теоретическую и педагогическую деятельность, чем свои композиции.

Я был членом Общества теоретической музыкальной библиотеки, основанной Танеевым и В. А. Булычевым. В девятисотых годах члены общества собирались в здании Консерватории в большой изолированной комнате, уставленной книжными шкафами, где стояли два прекрасных рояля. В этой комнате читались доклады, исполнялись и репетировались музыкальные произведения, особенно ста-

ринные, обсуждались разные музыкальные вопросы, иногда просто разговаривали. Один из дней недели, кажется пятница, был посвящен чаепитию и общению членов между собой; в этот день было постановлено не играть на фортепиано после девяти часов вечера. В один из таких дней я пришел в библиотеку и застал Танеева, игравшего на рояле органные фуги Баха; партию педалей играл на другом рояле пианист Богословский. Девять часов давно пробило, но Танеев и Богословский продолжали играть; Танеев, вероятно, забыл о постановлении не играть после девяти. Присутствовавшие были этому очень рады: ведь органные фуги Баха редко приходится слышать, особенно в таком прекрасном исполнении. Иначе думал приятель Танеева В. А. Булычев. Он пил чай и во время игры нарочно стал стучать ложкой о стенки стакана. Танеев, дойграв фугу, спросил: «Зачем вы, Вячеслав Александрович, мешаете нам играть?» Булычев ответил: «Потому что сейчас десятый час, а мы с вами постановили не играть после девяти часов».

Танеев промолчал, но на все просьбы продолжать играть ответил решительным отказом. Он не обиделся, но многие члены общества обиделись за него. Было созвано экстренное собрание общества, где было предложено вынести общественное порицание поступку Булычева, но Танеев настоял на том, чтобы дело было оставлено без последствий.

Зимой 1913/14 года в Москве появился интересный и талантливый индусский музыкант Инаят Хан. Он с тремя своими товарищами, также индусами, играл и пел, сперва в кафешантане «Максим», а затем в двух или трех концертах в Политехническом музее. Аккомпанементом к пению индусов служили «вины» — щипковый инструмент, нечто среднее между гитарой и маленькой арфой, и смычковый инструмент — нечто вроде альта, и барабанчик. Эти инструменты звучали бедно: они только дублировали мелодию на однообразном органном пункте; поэтому Инаят Хан задумал сопроводить свои мелодии европейской гармонией на сюжет известной древней индусской поэмы «Сакунтала» Калидаса. Он сочинил одногактную пьесу «Скетч», где героиня должна быть танцовщицей, а музыка — состоять из индусских мелодий, сопровождаемых оркестром. Гармонизовать и оркестровать эти мелодии он предложил Танееву. Танеев отказался и

предложил это сделать Гречанинову. Гречанинов также отказался; тогда Танеев предложил сделать эту работу мне. Я охотно взялся за нее, но не будучи уверен в своих силах, особенно в оркестровке, пригласил сотрудничать со мною. Вл. Ив. Поля. В результате частью я, частью он гармонизовали 17 мелодий Инаят Хана; Поль их инструментовал для малого оркестра. К сожалению, Инаят Хану не удалось поставить свой «Скетч». Клавир его мелодий в нашей обработке был напечатан. А оркестром они были два раза исполнены на Сокольничьем кругу.

Я был в Ясной Поляне в феврале 1906 года, когда там пробыл два дня Сергей Иванович. Он много играл. Там же был А. Б. Гольденвейзер; они сыграли на двух роялях концерт № 4 Бетховена, концерт Шумана и сюиту Аренского. Разговаривали они с Львом Николаевичем больше всего об изречениях, помещаемых им в «Круге чтения», о категорическом императиве Канта, о Шопенгауэре, учениях Будды и Христа. Тогда же Танеев уговорил Льва Николаевича сыграть вальс, ему приписываемый. Отец проиграл раза два, и Танеев очень быстро его записал. Эта запись была напечатана в «Толстовском ежегоднике» 1912 года.

В заключение выскажу свои впечатления от знакомства с Танеевым. Сергей Иванович был добрым, умным, остроумным, скромным, благовоспитанным, крайне добросовестным, даже педантичным, правдивым и в житейских делах наивным человеком. Его доброту и бескорыстие хорошо знали его ученики, которым он помогал не только своими знаниями, но и материально, несмотря на то, что сам был не богат. Он смолоду получил мало общобразовательных знаний, даваемых школой, так как рано посвятил себя музыке; но он всегда старался пополнить свое образование, много читал, интересовался философией, знал немецкий и французский языки, учился итальянскому и одно время увлекался международным языком эсперанто, на котором научился писать и даже говорить. Его привычки были скромны. Он не пил, не играл в карты и не курил. Он не любил, когда при нем курили; в своей квартире он отсылал курильщиков в кухню и требовал, чтобы они пускали дым в отдушник. Он бывал весел, любил острить и заразительно смеялся. Вот примеры его шуток. Однажды, когда он был занят срочной работой и не хотел, чтобы ему мешали, он вывесил на

своей двери записку: «Здесь входа нет». Посетитель, предполагая, что в эту дверь нельзя войти по какому-нибудь случаю вроде ремонта, шел к черному ходу, но там находил на двери другую записку, также возвещавшую: «И здесь хода нет». Однажды Танеев вышел из Консерватории вместе с певицей Литвин, с которой должен был куда-то ехать. Кликнули извозчика; Литвин села в сани, но, будучи очень полной, заняла все сидение. Танеев, сам довольно плотный мужчина, дважды обошел вокруг саней и не находя места где сесть, спросил ее: «Вы с какой стороны сели, с правой или левой?»

Вспоминаю еще его шуточные афоризмы: «ни одно благодеяние не остается безнаказанным»; «не делай того, что могут за тебя сделать другие».

Исключительная музыкальная одаренность Сергея Ивановича общеизвестна. Он обладал абсолютным слухом. Как-то в Ясной Поляне мы произвели с ним такой опыт: ударили на фортепиано одновременно шесть или семь клавиш без всякого порядка, как придется, и предложили ему их назвать. Он, не глядя, безошибочно назвал все ударенные клавиши. Известно, что он ездил сочинять в монастырский скит, где не было никаких музыкальных инструментов. Он обладал феноменальной памятью, легко выучивал пьесы и долго их помнил. Одно время он мечтал выучить все, что было выдающегося в фортепианной литературе. Партитуры он читал с поразительной легкостью, точностью и полнотой.

В своих суждениях о современных композиторах и исполнителях он, не стесняясь, иногда довольно резко высказывал свое мнение. В этом отношении его справедливо называли «музыкальной совестью Москвы». У него были определенные симпатии и антипатии по отношению к композиторам. Он любил старинных полифонистов, классиков, особенно Моцарта, романтиков, ценил Вагнера, относился с особым пietetом к музыке своего учителя П. И. Чайковского, которого называл не иначе, как Петр Ильич; хвалил музыку Аренского и Рахманинова; новаторов же недолюбливал за то, что они нарушали правила гармонии. Он считал, что в мире звуков есть незыблемые вечные законы и что их нельзя безнаказанно нарушать. Некоторые из этих законов он раскрыл в своей книге «Подвижной контрапункт строгого письма», где он дал исследование, исчерпывающее эту несколько специальную

область музыки. Композиции Танеева едва ли когда-нибудь будут достоянием широкой публики, но в некоторых своих произведениях он достигает большой высоты.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕРТКОВ

О Черткове издана отдельная книга М. В. Муратова «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков», и письма Льва Николаевича к нему занимают несколько томов Юбилейного издания произведений Л. Н. Толстого. Я могу прибавить лишь очень немногое к этим обширным материалам. Но книгу Муратова я считаю односторонней, а переписка Черткова с моим отцом — это пока необработанный материал.

Чертков, как Алкивиад, был богат и знатен. Высокого роста, стройный, красивый, с орлиным носом, он в молодости, в мундире конногвардейца, был чрезвычайно эффектен, что можно видеть по его портрету работы Крамского. Чертковы принадлежали к высшему петербургскому обществу, из которого выходили флигель-адъютанты, генерал-адъютанты, генерал-губернаторы и т. п. Отец Владимира Григорьевича был генерал-адъютантом у Александра II и Александра III; мать, рожденная Чернышева-Кругликова, также происходила из аристократической семьи и была близка с императрицей Марией Федоровной.

Во время службы в конногвардейском полку В. Г. Чертков, по собственному признанию, вел жизнь порочную — пил, играл и развратничал. Однако со временем эта жизнь ему опротивела, и он с несколькими своими друзьями стал искать бескорыстной и полезной деятельности. Он вышел в отставку и, по совету своего друга Рафаила Алексеевича Писарева, занялся земскими делами и благотворительной деятельностью. В имении Чертковых Лизиновке Владимир Григорьевич учредил ремесленную школу, приемный покой, ссудо-сберегательное товарищество и т. п. Но это его мало удовлетворяло. В то время он горячо и искренне искал такую веру и такое дело, которым он мог бы вполне отдаваться. Ему, как человеку с сильной волей и в высшей степени самолюбивому, нужна была деятельность, которая соответствовала бы его убеждениям и в которой в то время он мог бы играть выдающуюся роль. Но он еще не выяснил себе своих убеждений.

Мать Черткова была последовательницей евангеличе-